

Е. Б. Черезова

ОТКАЗ ОТ СИЛЬНОЙ ФОРМЫ ПРИНЦИПА ЗАМКНУТОСТИ ФИЗИЧЕСКОГО В ОБЪЯСНЕНИИ МЕНТАЛЬНОЙ ПРИЧИННОСТИ

*Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Институт философии и права, Новосибирск, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются различные варианты формулировки принципа причинной замкнутости физического как важного компонента физикализма. Утверждается, что эмерджентистский подход к ментальной причинности может быть совместим с умеренными формулировками этого принципа. Аргумент причинной замкнутости физического мира не является радикальным опровержением дуализма свойств относительного ментального.

Ключевые слова: дуализм свойств, эмерджентизм, ментальная причинность, причинная замкнутость физического мира

E. B. Cherezova

REJECTION OF A STRONG FORM OF THE CAUSAL CLOSURE PRINCIPLES IN EXPLAINING MENTAL CAUSATION

*Novosibirsk State University, Institute for the Philosophy and Law,
Novosibirsk, Russia*

Abstract. Various variants of the formulation of the principle of causal closure of the physical as an important component of physicalism are considered. It is argued that the emergentist approach to mental causality can be compatible with moderate forms of this principle. The argument of causal closure of the physical world is not a radical refutation of the dualism of the properties of the relative mental.

Keywords: causal closure principles, physicalism, emergentism, mental causality

Проблема объяснения ментальной причинности заключается в отсутствии приемлемого объяснения того, как она возможна в фундаментально физическом мире. Одна из современных формулировок этой проблемы – аргумент исключения – использовалась для двух разных целей. Иногда ее представляют как проблему собственно физикалистской позиции, которая «бьет в самое сердце физикализма» [1, с. 30], с другой стороны аргумент исключения рассматривается как аргумент в пользу физикализма или даже как «стандартный каузальный аргумент в пользу физикализма» [2, с. 142]. Как отмечает К. Беннетт [3], проблема исключения может выступать против нередуктивного физикализма в пользу принятия редукции ментального к физическому. Папино [2; 4] использует проблему исключения, чтобы защитить физикализм как таковой от дуализма свойств в форме эмерджентизма. Нередуктивный физикализм и эмерджентизм, из-за их общей приверженности нисходящей каузальности и физической каузальной замкнутости, находятся в уязвимом положении по отношению к проблеме

исключения. Позиция дуализма свойств совместима с умеренным принципом замкнутости физического, и при этом сохраняется автономная причинная роль ментальных состояний в возникновении поведения. Такая форма дуализма может последовательно поддерживать эмерджентизм в философии сознания, согласно которому нефизические ментальные состояния причинно автономны и тем не менее сами в конечном счете являются продуктами предшествующих физических событий.

Аргумент исключения имеет три предпосылки [5]: во-первых, принцип причинной замкнутости физического; во-вторых, утверждение, что, по крайней мере, некоторые ментальные события являются причинами физических событий, и, в-третьих, утверждение о том, что физические последствия ментальных причин, как правило, не являются причинно сверхдетерминированными. Вывод из этих предпосылок заключается в том, что по крайней мере некоторые ментальные события причинно идентичны физическим событиям, а не идентичные ментальные события элиминируются из причинного объяснения. Первая предпосылка – причинная замкнутость физического или причинная полнота физического – реализуется в разных формах множеством авторов, например, Д. Папино, С. Стерджен, П. Нурдхоф, Дж. Ким [1; 2; 4; 6]. Не все эти формулировки эквивалентны друг другу, хотя можно было бы ожидать большей солидарности в столь важном для физикалистской позиции вопросе.

Если предположить, что наш мир таков, как его понимает эмерджентист, т.е. в мире действуют не только физические законы, но и фундаментальные психологические (или психофизические) законы, то в таком мире имеет место и нисходящая ментальная причинность. Связь между ментальной (М) и физической (Р) причинами может представлять собой номологическое отношение необходимости ($P \rightarrow M$). Предположим, что некоторое номологическое отношение также лежит в основе каузальных отношений между физической причиной и физическим следствием ($P \rightarrow P^*$), с одной стороны, и ментальной причиной и этим же физическим следствием, с другой ($M \rightarrow P^*$). Таким образом, в определенном смысле появление физического следствия (P^*) полностью определяется предшествующим физическим состоянием, а именно Р, в том смысле, что Р номологически гарантирует P^* . Не существует номологически возможного мира, в котором есть Р, но нет P^* ; каждый номологически возможный мир, в котором происходит Р, был бы миром, в котором происходит М, и P^* также возникало бы в таком мире с необходимостью в силу закона. При заданном Р P^* полностью определяется с точки зрения закона и таким образом достигается причинная замкнутость физического.

Допустим самую слабую версию принципа причинной замкнутости: каждое физическое следствие полностью определяется законами природы и предшествующими естественными условиями. Такая форма естественной причинной замкнутости исключает возможность каких-либо сверхъестественных или трансцендентных причин физических событий.

Допустим, что область естественного исчерпывается психическим и физическим. Это означает, что каждое физическое следствие полностью определяется предшествующими физическими и психическими условиями. Тогда можно ввести понятие комплексной причины, состоящей из двух совместно действующих компонентов: появление P^* обусловлено законами природы и предшествующим естественным условием $M \& P$. Причем такая естественная причинная замкнутость не отдает причинного приоритета физическому над ментальным. Такое положение дел вполне могло бы удовлетворить приверженцев дуализма свойств, считающих ментальное и физическое равными в онтологическом статусе. Естественная причинная замкнутость допускает физические следствия, которые номологически не определяются только предшествующими физическими причинами; также должны быть задействованы некоторые дополнительные психические состояния, чтобы обеспечить их возникновение согласно естественному психофизическому закону. Такой тотальный антифизикалистский дуализм не соответствует умеренному варианту принципа причинной замкнутости физического, который говорит, что каждое физическое явление обусловлено законом природы и предшествующими физическими условиями. Однако, понятие комплексной причины может сделать ещё один шаг в сторону физикализма и поддержать умеренную форму принципа причинной замкнутости. Физическое событие P номологически влечет за собой ментальное событие M и, следовательно, также физическое следствие P^* . Правда, P нуждается в M , чтобы вызвать P^* , но, учитывая номологическую связь (супервентность) между P и M , P также номологически гарантирует P^* .

Можно сделать вывод, что без номологической связи или отношения супервентности дуализм свойств допускает только самую слабую форму принципа причинной замкнутости – естественную причинную замкнутость, но допуская номологическую супервентность ментального и работу комплексной причинности можно принять уже умеренную форму принципа причинной замкнутости. Тогда можно утверждать, что как только физические факты зафиксированы, все остальные процессы и состояния определяются законом, как синхронически, так и диахронически. Таким образом, есть смысл, хотя и слабый, в котором физическое определяет все факты мира. Умеренный принцип причинной замкнутости наряду с номологической супервентностью, можно считать отражением, пусть несколько формальным, физикалистской приверженности эмерджентизма, который не соответствует требованиям строгой физикализма.

Идея комплексной причинности хотя и удовлетворяет умеренному принципу причинной замкнутости, но нарушает сильную форму принципа: исходное физическое событие P и законы физики сами по себе не влекут за собой физическое следствие P^* . Это означает, что физика современного вида, к которому мы апеллируем, неполна, и иногда полное причинное объяснение такого физического события как, например, поднятие руки студентом на семинаре, должно ссылаться на ментальные причины. С другой стороны, это

ожидаемо для эмерджентизма, ведь сами по себе ментальные свойства в качестве эмерджентных должны быть с одной стороны частью основного устройства мира, и, с другой стороны, чем-то сверх- или над-физическим. Предполагается, что такие свойства будут фигурировать в окончательных законах природы, обеспечивающих их причинное влияние. Таким образом, вероятно, принятие эмерджентизма подразумевает автоматически отказ от сильного принципа причинной замкнутости физического. Основным вопросом заключается не сколько в самом отказе, сколько в обоснованности. Папино [2; 4], который защищает физикализм с помощью аргумента исключения, считает, что отрицание сильной формы причинной замкнутости – это плохой вариант, потому что этот принцип не просто характеристика физикалистской позиции, а существенная часть научного мировоззрения, которая имеет хорошее эмпирическое подтверждение на протяжении всей истории науки: «предпосылка, которая по любым обычным индуктивным стандартам была полностью подтверждена более чем столетием эмпирических исследований» [4, с. 33]. Папино предлагает рассмотреть два аргумента: первый «аргумент от фундаментальных сил» утверждающий, что все кажущиеся особыми силы сводятся к нескольким основным физическим силам; второй «аргумент физиологии»: развитие физиологии даёт веские основания полагать, что фундаментальных психических сил не существует. Эти аргументы включают в себя предположение о «случайной выборке» [7], т.е. психологические феномены трактуются так, как если бы они были шариками в урне, которые ученые извлекают наугад для исследования; если все случайно вытасканные шары соответствуют сильному принципу замкнутости физического, то обосновано предположить, что и остальные шары такие же. Но ученые не выбирают научные проблемы наугад; они выбирают проблемы в соответствии с парадигмой таким образом, чтобы их можно было операционализировать и они были бы решаемы доступными средствами. С другой стороны, методологический кризис психологии тянется уже более ста лет и нет оснований считать, что современная психология – это зрелая наука, а ведь только случаи, извлеченные из зрелых дисциплин, могут обоснованно составлять прочную индуктивную основу.

Существуют причины полагать, что сознание действительно совершенно иное явление, качественно отличное от физических феноменов и что могут существовать фундаментальные ментальные свойства. Индукция может основываться как на ожиданиях и предшествующем метафизическом воззрении, так и на установленных научных результатах. Папино подчеркивает, что сильный принцип причинной замкнутости – это «в высшей степени эмпирическое утверждение, принятие которого проистекает из подробных эмпирических данных о причинах физических эффектов» [8, с. 60] и, конечно, это эмпирически значимый тезис, имеющий эмпирическое содержание. Но это не прямое утверждение науки о мире и как таковая физика не подразумевает своей собственной каузальной замкнутости. Сильный принцип замкнутости является физикалистским тезисом, интегрирующим

научные открытия в конкретную метафизическую позицию. Научное мировоззрение функционирует как методологический принцип, которым руководствуются практикующие ученые. Более того, как указал Э. Дж. Лоу [5], одно из следствий такого рода взглядов состоит в том, что причинный вклад ментального может быть «невидимым» с чисто физической точки зрения или рассматриваемым в качестве сопутствующего причинно инертного эпифеномена. Это объясняется тем, что нет прямого способа обнаружить причинный вклад ментального фактора; нельзя поставить эксперимент, показывающий, что произошло бы, если бы физическое событие произошло без ментального события, т.к. это невозможно в силу их номологической взаимосвязи.

При этом может показаться, что полное физическое причинное объяснение всегда возможно для любого физического эффекта, даже если имеет место, например, слабый вариант замкнутости физического и ментального вносит реальный вклад в причинность. Возможно, именно в такой ситуации мы находимся. Э. Дж. Лоу отмечает [5], что эмерджентизм вполне согласуется с умеренным принципом причинной замкнутости, который он формулирует следующим образом: каждое физическое событие содержит только другие физические события в своей транзитивной причинной замкнутости. Под транзитивной причинной замкнутостью некоторого физического события он подразумевает набор событий, состоящий из непосредственных причин, а также непосредственных причин этих причин и так далее. Таким образом, из этой формулировки следует, что непосредственными причинами всех физических событий всегда являются только другие физические события. Вполне возможно, допуская правдоподобность такой формы замкнутости, иногда нефизическое ментальное событие M приводит к тому, что определенные физические события P_1, P_2, \dots, P_n оказывают определенное физическое воздействие P , т.е. существует причинно-следственная связь ментального события с физическим причинным фактом. Здесь Лоу вводит различие между причинно-следственной связью событий и причинно-следственной связью фактов [5]. В случае причинно-следственной связи то, что происходит – это не событие, а факт или положение дел. Некоторые факты являются причинно-следственными фактами, такими как тот факт, что определенные физические события, P_1, P_2, \dots, P_n , являются причинами другого физического события, P . Если ментальное событие M приводит к тому, что определенные физические события, P_1, P_2, \dots, P_n , оказывают определенное физическое воздействие, P , тогда, кажется очевидным, M само по себе является причиной P , но не является ни непосредственной причиной P , ни непосредственной причиной любого из физических событий P_1, P_2, \dots, P_n . На самом деле, кажется очевидным, что M не включено в транзитивную причинно-следственную цепочку P и, следовательно, что M может быть нефизическим, не нарушая сильный принцип причинной замкнутости физического мира. Таким образом, Лоу предлагает рассматривать ментальное событие как вызывающее физический

причинный факт. Принципиальную схему такого понимания причинности Лоу иллюстрирует следующим примером. Предположим, что сильный принцип причинной замкнутости верен в мире, в котором каждое физическое событие имеет достаточную физическую причину. Такой мир не может иметь начала во времени, потому что у него не может быть первого физического события. Если допустить, что у этого мира действительно был свой Большой взрыв, было первое физическое событие, то согласно принципу физической замкнутости, это событие имело бы достаточную физическую причину, которая должна была бы быть более ранним физическим событием или сочетанием таких событий, что противоречит только что сделанному предположению. И все же возможно спросить об этом мире, почему он должен существовать или быть реальным, а не каким-либо другим. Одним из вразумительных ответов было бы сказать, что этот мир был реальным, потому что Бог избрал его таким, чтобы он был реальным. Таким образом, выбор Бога привел бы к тому, что мир, содержащий определенные физические причинно-следственные факты, был бы реальным, и это было бы ментальной, как минимум не физической, причинной физических причинно-следственных фактов. Следует подчеркнуть, что здесь подразумевается не то, что Бог вызывает определенные начальные физические события, которые затем продолжают вызывать другие физические события в соответствии с законами причинности, избранными Богом, поскольку в предполагаемом мире нет «начальных» физических событий и мир не имеет начала во времени. Теперь, конечно, можно спросить, когда был сделан Божий выбор. Если бы это было сделано в любое время, то, по-видимому, это должно было быть сделано раньше, чем произошло какое-либо физическое событие. Однако это не невозможно, поскольку физический мир, у которого нет начала во времени – нет первого физического события, – не обязательно должен иметь прошлое бесконечной продолжительности, так же как линия конечной длины не должна иметь первую или последнюю точку. С другой стороны, если выбор Бога не был сделан ни в какое время, потому что Он мыслится нами как вечный и вневременной, тогда верно, что мы не можем сказать, что Его выбор был событием, но это никоим образом не умаляет того факта, что пример, по мнению Лоу, демонстрирует интеллигибельность, мыслимость причинной роли ментального. Правда, возникает вопрос: может быть что-то подобное этой модели ментальной причинности в случаях обычного человеческого поведения? Как, например, может ментальное событие, такое как выбор, привести к тому, что определенные физические события в нервной системе вызовут определенное движение тела? Лоу уходит от ответа, отметив, что он продемонстрировал в этом примере принципиальную интеллигибельность причинно-следственной связи физического причинного факта с ментальным событием. А если, с другой стороны, встает вопрос о механизме, который бы осуществлял такую причинно-следственную связь в случае человека. Однако, сам термин «механизм» наводит на мысль о чисто физической причинности, которая здесь не предусмотрена. И в целом предоставление более конкретной

и подробной информации о возможной природе такой причинно-следственной связи в случае человека не является предметом философских размышлений. Такая позиция кажется несколько обескураживающей: получается, что ментальная причинность в принципе не видима для ученых и при этом детали её функционирования не являются предметом философских изысканий. Одно дело, конечно, показать принципиальную совместимость дуализма свойств в форме эмерджентизма с умеренной формой принципа причинной замкнутости физического мира, и другое дело построить подробную модель психофизической причинности. Если построение такой модели представляется едва ли не безнадежным делом, то возникает сомнение в необходимости ссылаться на ментальную причинность, не рациональнее ли занять элиминативистскую позицию? Один из вариантов ответа может быть такой: только прибегая к ментальной причинности можно представить физическое следствие определенных физических причин, таких как движение тела, вызванное большим количеством явно независимых нейронных событий в мозге, как неслучайное, поскольку, возможно, не существует идентифицируемого физического события (событий), которое (которые) можно было бы рассматривать как связывающее цепи физической причинно-следственной связи соответствующим образом. В то же время могут быть убедительные эмпирические доказательства того, что ментальное воздействие играло именно такую роль, и сильная интуиция, указывающая на то, что рассматриваемое движение тела не было событием, произошедшим случайно. Более того, все это было бы вполне совместимо с эмерджентизмом, поскольку в таком случае возможно предположить, что каждое ментальное событие в конечном счете имеет достаточную физическую причину. Конечно, с физикалистской точки зрения можно возразить, что, если эмпирические данные действительно подтверждают, что ментальное событие сыграло интегрирующую и координирующую причинную роль, мы должны были бы заключить, что это событие было идентично какому-то физическому событию, почти наверняка какому-то нейронному событию в мозге. Но в то же время нет веских оснований делать такой вывод в отсутствие каких-либо прямых эмпирических доказательств существования такого физического события? Здесь уместно вспомнить о таком расстройстве как синдром Туретта, проявляющемся спонтанными двигательными и голосовыми тиками. При этом расстройстве человек страдает от хаотичных и неконтролируемых форм поведения и механизм возникновения, причины этого феномена до сих пор не ясны. Это тот случай, когда, возможно, как раз страдает механизм связи ментальных событий и физических причинных фактов, который невидим для научного подхода. Таким образом, аргумент причинной замкнутости физического не является решающим доводом в пользу физикализма.

Список литературы

1. Kim, J. Mind in a physical world. – Cambridge: Bradford, 1998. – 156 p.
2. Papineau, D. Must a physicalist be a microphysicalist? // Being reduced / J. Hohwy & J. Kallestrup (Eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 126–148.

3. *Bennett, K.* Exclusion again // Being reduced / J. Hohwy&J. Kallestrup (Eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2008. – P. 280–305.
4. *Papineau, D.* The rise of physicalism // Physicalism and its discontents / C. Gillett & B. Loewer (Eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – P. 3–36.
5. *Lowe, E.J.* Causal closure principles and emergentism // Philosophy. – 2000. – V.75. (4). – P. 571–585.
6. *Kim, J.* Emergence: core ideas and issues // Essays in the metaphysics of mind. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – P. 66–84.
7. *Sober, E.* Physicalism from a probabilistic point of view // Philosophical Studies. – 1999. – V. 95. – P. 135–174.
8. *Papineau, D.* The causal closure of the physical and naturalism // The Oxford handbook of philosophy of mind / B. McLaughlin (Ed.). – Oxford: Oxford University Press, 2009. – P. 53–65.